

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВИТАЛЬНОСТЬ КАК НОВЫЙ ТЕРМИН ЛИНГВИСТИКИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

ETHNOLINGUISTIC VITALITY AS A NEW TERM OF LINGUISTICS AND CULTURAL SCIENCE

Автор ставит своей задачей дать определение недавно появившемуся в российском научном дискурсе термину «этнолингвистическая витальность», который отражает междисциплинарное явление и может быть определен как с точки зрения лингвистики, так и с точки зрения культурологии. Цель автора – создать универсальную дефиницию, отвечающую требованиям обеих наук.

Ключевые слова: этнолингвистическая витальность, научный дискурс, лингвистика, культурология.

The author puts the task to give definition to the term “ethnolinguistic vitality” which recently appeared in the Russian scientific discourse and reflects the interdisciplinary phenomenon and can be defined both from the point of view of linguistics, and from the point of view of cultural science. The author’s purpose is to create the universal definition which meets the requirements of both sciences.

Keywords: ethnolinguistic vitality, scientific discourse, linguistics, cultural science.

В последнее время в научной литературе, посвященной проблемам сохранения этнокультурной и этнолингвистической идентичности, все чаще встречается термин «этнолингвистическая витальность». Среди отечественных ученых его используют в своих работах И. Клюканов, Н. Сланевская и др. [1], но особенное распространение он получил в научных исследованиях западных ученых. Создателями этого термина принято считать Говарда Джайлза, Ричарда Бурхиса и Дональда Тейлора, которые впервые употребили его в 1977 году при формулировке концептуальных позиций своей теории, которая, в свою очередь, базируется на теории социальной идентичности А. Тэшфела. А. Тэшфел – английский ученый, специалист в области социальной психологии, один из идеологов программы «европейского подхода» в социальной психологии. Его первые статьи на эту тему увидели свет в 80-х годах прошлого столетия. Согласно его теории, каждая личность стремится к позитивной идентичности группы.

По мнению авторов термина, «этнолингвистическая витальность» – это некая духовная сила, объединяющая представителей языкового

¹ Заместитель декана факультета ГТ, соискатель Государственной академии славянской культуры.

сообщества. В определенной мере как некая интенция она сопоставима с энтелехией Аристотеля и вполне способна составить ей конкуренцию в современном научном дискурсе о силах, одухотворяющих этнокультурные сообщества и определяющих положительную динамику их развития. В этом смысле этнолингвистическая витальность может и должна быть отнесена к категориям культурологическим. Этнолингвистическая витальность имеет в качестве своего сущностного содержания язык, и в этом смысле она может и должна быть отнесена к категориям лингвистики и, прежде всего, к разделу социолингвистики. Этнолингвистическая витальность может быть измерена в количественном и качественном отношении, что важно при сопоставлении социальных характеристик, когда представители одной языковой группы пытаются определить свое положение в сравнении с представителями других групп, исходя из статусных и демографических факторов, а также институциональной поддержки. К числу статусных факторов относят экономический, социальный, социоисторический и языковой. Среди демографических факторов выделяют численность представителей группы, проживающих на определенной территории, их количествен-

ное соотношение с численностью других групп, уровень рождаемости, число смешанных браков и уровень иммиграции. Институциональная поддержка подразумевает степень использования языка группы в различных государственных, региональных или муниципальных институтах (властные структуры, правительственная сфера, промышленность, средства массовой информации, образование, религиозная, политическая и культурная жизнь).

Низкий уровень этнолингвистической витальности ведет к распаду языковой группы и соответственно смерти ее языка. Высокий уровень, в свою очередь, свидетельствует о жизнеспособности самой языковой группы, ее культуры и языка, ею используемого. Однако эта ситуация не всегда бывает однозначной.

Пример – английский язык. Это язык, обладающий огромной жизненной силой; язык, давно ставший языком международного общения; язык, который знают в той или иной степени почти в каждой стране мира. Но тот факт, что английский язык стал главным международным средством общения, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, «не только принес англоязычному миру огромную политическую, экономическую и иную пользу, но и как бы лишил этот мир щита: сделал его культуру открытой, выставленной напоказ всему остальному человечеству. При национальной любви англичан к закрытости – «мой дом – моя крепость – это представляется неким парадоксом и иронией судьбы» [2]. Когда мы говорим об английском языке международного общения, сам язык берется вне контекста

своей социально-культурной и национально-исторической идентичности. Но не приведет ли высокая лингвистическая витальность английского языка международного общения к разрушению собственно англо-саксонской культуры?

Несомненно, термин «этнолингвистическая витальность» относится к междисциплинарной терминологии. Он мог бы получить в русском языке свой вариант наименования, например с учетом этимологии – «этноязыковая жизнеспособность», однако глобализация научного знания в социокультурной и, в целом, гуманитарной сфере требует, чтобы приоритет в употреблении принадлежал тому варианту наименования общераспространенного понятия, который был предложен его первым разработчиком.

Язык и культура неразделимы, и поэтому вряд ли есть смысл искать свой вариант дефиниции для бытования этого междисциплинарного термина отдельно в лингвистике и отдельно в культурологии, но поставить вопрос о внесении термина «этнолингвистическая витальность» в понятийно-категориальный аппарат отечественной лингвистики и культурологии необходимо.

Литература

1. Клюканов И.Э. Коммуникативно-теоретические вопросы этнолингвистической витальности // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – № 1. – С. 11–20.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М. : Слово, 2000.